

Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов

Попова О.В. (ИНИОН РАН), Гришин Н.В. (ИНИОН РАН)

Аннотация

В статье представлен анализ результатов двух эмпирических исследований политического доверия российской молодежи, проведенных осенью 2022 года, – всероссийского онлайн-анкетирования молодежи и экспертного опроса. Эмпирические исследования проведены в рамках реализации научного проекта «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски». Самооценка политического доверия молодежи включала выявление ее отношения к институтам власти и политикам от местного до федерального уровней, к силовым институтам, а также к общественным организациям. Экспертный опрос был основан на применении метода нестандартизованного интервью. Вычислена переменная, позволяющая прояснить вопрос о пропорции не доверяющих власти, демонстрирующих низкие, средние и высокие показатели политического доверия. По сравнению с предыдущими онлайн-опросами заметно выросли показатели антирейтинга доверия. Выявлен раскол в оценке молодежи политического курса государства во внутренней и внешней политике и деятельности конкретных институтов. Получены данные о дифференциации политического доверия молодежи к отдельным политическим институтам. В решении вопроса о наличии возрастных внутрипоколенческих отличий политических установок молодежи значимым представляется выявленная дифференциация трех возрастных групп молодежи.

Ключевые слова: политическое доверие, молодежь, доверие к органам власти, молодежная политика, социальное доверие

The Russian Youth's Political Trust: Self-Assessment and Expert Opinion

Abstract

The article presents an analysis of the results of two empirical studies of the political trust of Russian youth, conducted in the fall of 2022: an all-Russian online youth survey and an expert survey. Empirical studies were carried out as part of the implementation of the research project "Political Trust of the Russian Youth: Formation Mechanisms, State, Trends, Systemic Risks". The self-assessment of the political trust of young people concerned the identification of their attitude to the institutions of power and politicians from the local to the federal levels, to power institutions, as well as to NGOs. The expert survey was based on the application of the non-standardized interview method. A variable is calculated to clarify the issue of

the proportion of those who do not trust the authorities, demonstrating low, medium and high indicators of political trust. Compared to previous online surveys, trust anti-rating indicators have grown significantly. A split was revealed in the assessment of young people of the political course of the state in domestic and foreign policy and the activities of specific institutions. Data were obtained on the differentiation of the political trust of young people in certain political institutions. In addressing the issue of age/generational explanations for the differences in the political attitudes of young people, it seems significant that there are differences between the three age groups of young people.

Keywords: political trust, youth, trust in authorities, youth policy, social trust

Введение

Цель данной статьи — выявление актуального уровня политического доверия различных групп российской молодежи. Безусловно, исследователей интересовали не только показатели доверия молодежи к институтам власти и политикам в весьма непростой внутри- и внешнеполитической ситуации, а также возможность структурирования этой социально-демографической группы по подгруппам в зависимости от их предрасположенности к доверию/недоверию. Нам было важно проверить, насколько в условиях социальной и политической турбулентности «работают» статистические закономерности, которые мы воспринимаем как нечто совершенно неизблемое. В частности, в предыдущие два десятилетия уровень политического доверия российских юношей и девушек был примерно одинаковым (Реутов, Кравченко, Гиндес, 2019; Попова, 2017), несколько более критично в отношении властных структур и политиков были настроены студенты, жители мегаполисов. Было очевидно, что в зависимости от структуры доминирующих типов населенных пунктов в федеральных округах могут различаться и показатели политического доверия молодежи (Попова, Лагутин, 2019).

Еще одна важнейшая исследовательская задача касалась вычисления переменной, которая позволила бы прояснить вопрос о пропорции недоверяющих власти, демонстрирующих низкие, средние и, наконец, высокие показатели этой важной политической установки, служащей как поддержанию политической стабильности и сдерживанию рисков роста политической напряженности, но также положительно влияющей и на формирование гражданской солидарности, что в настоящее время является очень значимым компонентом политической социализации и ресоциализации новых поколений.

В рамках данной статьи изложена только небольшая часть эмпирических результатов исследовательского проекта «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски» (август–декабрь 2022 г.), которое включало проведение массового онлайн-опроса молодежи, экспертного опроса специалистов в данной тематике, анализ дискурса глав регионов и спикеров региональных парламентов с молодежью на их персональных интернет-страничках, особенностей дискурса политизированных молодежных сообществ в ВКонтакте, а также опыт

изучения лучших региональных практик взаимодействия органов власти с молодежью. На сегодняшний день в российской эмпирической политологии при реализации научных проектов абсолютной нормой является использование принципа триангуляции и сочетание количественных и качественных методов исследования.

Теоретическая рамка исследования

Вопросы политического доверия молодежи стали объектом повышенного внимания исследователей в 2010-е годы как в отечественной, так и в зарубежной науке. Были сформулированы теоретические подходы, отражающие основные закономерности и тенденции политического доверия молодежи в различных условиях (Гришин, 2021: 51; Александрова, 2017).

На современном этапе исследований сохраняется спор между сторонниками двух основных подходов к решению вопроса о формировании политического доверия – «культурных» и «институциональных теорий» (Chevalier, 2019; Schoon, Cheng, 2011: 625). С точки зрения первых, политическое доверие основано на установках и ценностях, которые усваиваются в раннем возрасте и передаются из поколения в поколение (Inglehart, 1997; Putnam, 2000). Предполагается, что ценности приобретаются в начале жизни, а затем сохраняются во взрослые годы и «кристаллизуются» к тому времени, когда человек достигает зрелости. В отличие от этой точки зрения, институциональные теории предусматривают, что политическое доверие имеет рациональную основу и на него влияют индивидуальные оценки функционирования институтов (Hetherington, 1998), в связи с чем отношение к институтам варьируется в зависимости от непосредственных знаний и опыта.

Одной из важнейших теоретических проблем в области изучения политического доверия молодежи, повлиявших на данное исследование, стал вопрос, объясняются ли различия в политическом доверии в большей степени возрастом или принадлежностью к иному поколению. Анн Мюксель объясняет различия в политическом доверии молодежи фактором возраста: молодой возраст рассматривается как период «политического моратория», когда отношение к политике еще не установлено и подвергается частым изменениям (Muxel, 2001). Гарсия Альбасете связал фактор возраста с известным в психологии «эффектом когорты»: он предположил, что переход к взрослой жизни занимает больше времени, чем раньше, и является более сложным, что объясняет наблюдаемое снижение политического доверия молодежи (Albacete, 2014). Особенности изменения доверия в рамках сравнительного и эконометрического анализа присутствует в работах О.А. Демидовой, акцентировавшей роль влияния возраста (молодые реже доверяют, чем пожилые) и семейного положения на политическое доверие; в качестве одной из технологий формирования доверия ей было названо повышение значимости семейных ценностей (Demidova, 2011: 114–132).

Распространен подход, в соответствии с которым низкий уровень политического доверия – результат не столько возрастных, сколько

поколенческих особенностей (Henn, Foard, 2012: 56-57). Поскольку уровень доверия зависит от включенности в политические процессы, новые поколения в современном мире отличаются более слабыми связями с национальными структурами и большей открытостью к глобальным процессам (в том числе посредством современных информационных технологий). В рамках такого подхода ожидается, что новые поколения граждан могут сохранить скептическое отношение к политическим и государственным институтам национального уровня и в более взрослом возрасте. В рамках данного подхода П. Норрис выделяет пять измерений политического доверия, понимаемого как «поддержка правительства»: доверие политическому сообществу (нации-государству), доверие принципам существующего режима, доверие функционированию режима, доверие институтам и доверие политическим лидерам. П. Норрис показала, что уровень институционального доверия претерпел наиболее заметное снижение за последние десятилетия (Norris, 2011). При этом допускается, что эти изменения связаны с приходом новых поколений, которые в целом отличаются более низким уровнем политического доверия.

В 2016 году Роберто Фоа и Яша Мунк обосновали тезис о том, что ценности и взгляды молодого поколения сигнализируют о направлении, в котором может развиваться политическая система (Foa, Mounk, 2017). Хотя классическая литература о состоянии демократии рассматривала ценности и взгляды молодых людей как детерминанты демократического режима, очень немногие исследования были направлены на изучение силы этих эффектов.

В современной научной литературе можно встретить тексты, авторы которых не различают феномены «политическое доверие» и «политическая лояльность». Мы считаем принципиально важным разводить эти понятия. Проблема взаимосвязи легитимности и доверия изучалась С.И. Бойко (Бойко, 2007: 12–21).

Дизайн исследования

В рамках всероссийского исследования политического доверия российской молодежи «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски» осенью 2022 г. были проведены всероссийское онлайн-анкетирование этой группы (ноябрь) и экспертный опрос (октябрь, ноябрь). Параметры выборки онлайн-исследования строго соответствуют данным Росстата на 1 января 2022 г. (Численность населения, 2022).

Объем выборки составил 1500 респондентов по всей России в возрасте от 14 до 35 лет. Выборка квотная, с контролем несвязанных признаков пола, возраста и федерального округа проживания. В выборке молодые мужчины составили 50,93% респондентов, молодые женщины — 49,7%, что строго соответствует, как и другие параметры выборки, данным Росстата.

В выборке 14-17-летние составили 16,07%, 18-20-летние — 11,13%, 21-24-летние — 14,2%, 25-29-летние — 20,87%, 30-35-летние — 37,73%.

Согласно данным Росстата, больше всего молодежи (25% всей когорты в стране) проживает в Центральном федеральном округе. На втором месте по этому показателю стоит Приволжский Федеральный округ (19,6%), на третьем Южный федеральный округ (11,2%) и Сибирский Федеральный округ (11,9%). Четвертую позицию по числу молодежи от общего числа проживающих в России людей в возрасте от 14 до 35 лет заняли три Федеральных округа: Северо-Западный (9,3%), где, несмотря на наличие мегаполиса Санкт-Петербурга, общее число молодежи невелико, Уральский (8,5%) и Северо-Кавказский (8,4%). Самая печальная ситуация в Дальневосточном Федеральном округе, где проживает только 6,1% российской молодежи. Параметры выборочной совокупности по этому критерию строго соответствуют данным генеральной совокупности.

Дополнительно к трем указанным параметрам выборки была проконтролирована также предельная доля людей с высшим образованием.

Самооценка политического доверия молодежи касалась выявления ее отношения к институтам власти и политикам от местного до федерального уровней, к силовым институтам, а также к общественным организациям.

В рамках экспертного опроса был использован метод нестандартизованного интервью. 30 экспертов – представители политической власти, по роду своей деятельности взаимодействующие с молодежью, специализирующиеся на изучении политического сознания и поведения молодежи ученые, а также активисты и лидеры молодежных организаций и движений – высказали свое представление об уровне политического доверия данной социально-демографической группы к институтам власти и политическим лидерам.

Результаты исследования

В ходе массового онлайн-опроса молодые респонденты оценивали степень своего доверия политическим институтам и политикам (Таблица 1). Анализ показал, что молодежь недостаточно хорошо информирована о действующем премьер-министре и своем региональном парламенте (достаточно большой процент затруднившихся с ответом; соответственно 16,5% и 12,6%).

При составлении рейтинга доверия ответы молодежи о 7 оцениваемых институтах и политиках были редуцированы до трех позиций. Несомненным лидером выступает действующий президент страны (однозначно оценили свои чувства к нему как полное доверие и относительно высокое доверие соответственно 25,5% и 19,5% молодежи). На второй ступни рейтинга доверия расположились действующий премьер-министр, правительство страны и глава региона, в котором проживает опрашиваемый (суммарно однозначные положительные оценки составили для них соответственно 30,4%, 30,9% и 28,7%). На третьей позиции рейтинга политического доверия расположились федеральный и региональные парламенты, а также органы местного самоуправления, которые ныне рассматриваются как первокирпичик публичной власти (суммарно однозначные положительные оценки составили для этих структур в глазах российской молодежи 20,9%, 21,2% и 20,2%).

Следует обратить внимание на заметно выросшие по сравнению с предыдущими годами (мы делали замеры доверия российской молодежи в 2014, 2015, 2018, 2019 и 2021 годах) показатели антирейтинга доверия. На наш взгляд, имеет место не консолидация молодежи в оценке политического курса Российского государства во внутренней и внешней политике и деятельности конкретных институтов, а как раз раскол. Насколько он окажется глубоким и устойчивым, в настоящее время сказать сложно. Однако совершенно очевидно, что процесс дифференциации отношения молодежи к органам государственной власти не завершен (суммарно доля тех, кто предпочитает уклоняться от ответа или давать ответ «50 на 50» превышает треть опрошенной молодежи).

Таблица 1. Политическое институциональное и персональное доверие российской молодежи, % по строке

	Не доверяю абсолютно	Скорее, не доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее, доверяю	Доверяю абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего	Рейтинг доверия
Органы местной власти	13,0	18,9	39,3	16,5	3,7	8,6	100,0	3
Региональный парламент	14,4	18,1	33,7	16,9	4,3	12,6	100,0	3
Глава региона	19,3	17,0	26,3	20,6	8,1	8,8	100,0	2
Федеральный парламент	23,0	19,0	28,0	15,3	5,6	9,0	100,0	3
Правительство РФ	21,0	12,7	28,4	21,0	9,9	7,1	100,0	2
Премьер-министр М.В. Мишустин	17,6	11,7	23,7	20,7	9,7	16,5	100,0	2
Президент В.В. Путин	20,2	8,7	20,1	19,5	25,5	6,2	100,0	1

Интересно то, что впервые за много лет на полученной базе данных опроса оказалось невозможно провести факторный анализ на основе включения в него объектов самооценки доверия; в результате проведенных манипуляций программа SPSS выдавала надпись о невозможности обнаружения более чем одного фактора, что свидетельствует о стереотипности восприятия институтов и политиков, несмотря на весьма заметные отличия в фиксируемом уровне доверия к ним.

Эту же гипотезу подтвердил и результат проведенного корреляционного анализа между институциональными и персональными объектами оценки политического доверия (Таблица 2). Даже на уровне проверки степени сходства/отличия ответов молодежи о доверии к локальным структурам власти и самым высоким ее «этажам» мы видим высокое сходство совпадения ответов, о чем свидетельствуют все статистически значимые положительные коэффициенты корреляции Спирмена.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции между оценками различных институтов власти (коэффициент Спирмена)

	Органы местной власти	Региональный парламент	Глава региона	Федеральный парламент	Правительство РФ	Премьер-министр М.В. Мишустин	Президент В.В. Путин
Органы местной власти	-	+0,717	+0,671	+0,609	+0,583	+0,544	+0,519
Региональный парламент	+0,717	-	+0,702	+0,654	+0,598	+0,561	+0,535
Глава региона	+0,671	+0,702	-	+0,626	+0,605	+0,562	+0,563
Федеральный парламент	+0,609	+0,654	+0,626	-	+0,798	+0,670	+0,720
Правительство РФ	+0,583	+0,598	+0,605	+0,798	-	+0,725	+0,721
Премьер-министр М.В. Мишустин	+0,544	+0,561	+0,562	+0,670	+0,725	-	+0,702
Президент В.В. Путин	+0,519	+0,535	+0,563	+0,720	+0,721	+0,702	-

По сравнению с предыдущими годами произошли некоторые подвижки в плане доверия молодежи к силовым институтам, которые, наряду с другими, выполняют в государстве и важные политические функции (Таблица 3). Мы видим значительное число уклоняющихся от ответа (от 6% в отношении к полиции до 11,2% в отношении к ФСБ) и тех, кто предпочитает давать ответ «50 на 50» (от 19,9% в отношении ФСБ до 33,7% в отношении полиции). Мы также видим здесь раскол оценок (отсутствует так называемое «нормальное гауссовское распределение ответов»), в отношении трех из 4 «силовых институтов» баланс оценок отрицательный. Хотя максимально схоже распределение ответов молодежи в отношении армии и ФСБ (и в отношении этих структур баланс оценок положительный), проведенный дополнительно корреляционный анализ так же, как и в отношении управленческих структур, показал наличие устойчивых положительных статистически значимых связей в самооценке молодежи своего отношения к «силовикам»: коэффициенты корреляции Спирмена между этими 4 объектами колеблются в диапазоне от +0,56 до +0,734.

Таблица 3. Доверие российской молодежи политическим институтам, % по строке

	Не доверяю абсолютно	Скорее, не доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее, доверяю	Доверяю абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего	Рейтинг доверия
Армия	15,5	8,7	23,0	26,7	19,2	6,8	100,0	1
Полиция	15,3	17,4	33,7	21,1	6,4	6,0	100,0	3
Росгвард	22,4	14,5	23,9	20,9	7,7	10,5	100,0	3

ия							0	
ФСБ	17,9	8,8	19,9	23,5	18,7	11,2	100,0	2

Кроме того, был задан вопрос о доверии институтам гражданского общества — общественным организациям. Высказали полное доверие общественным организациям только 4,5%; скорее, доверяют им 24,1%, в чем-то доверяют, в чем-то нет — 39,1%; скорее, не доверяют 15,2, не доверяют абсолютно 7,1%. Затруднились ответить 9,9% молодых респондентов.

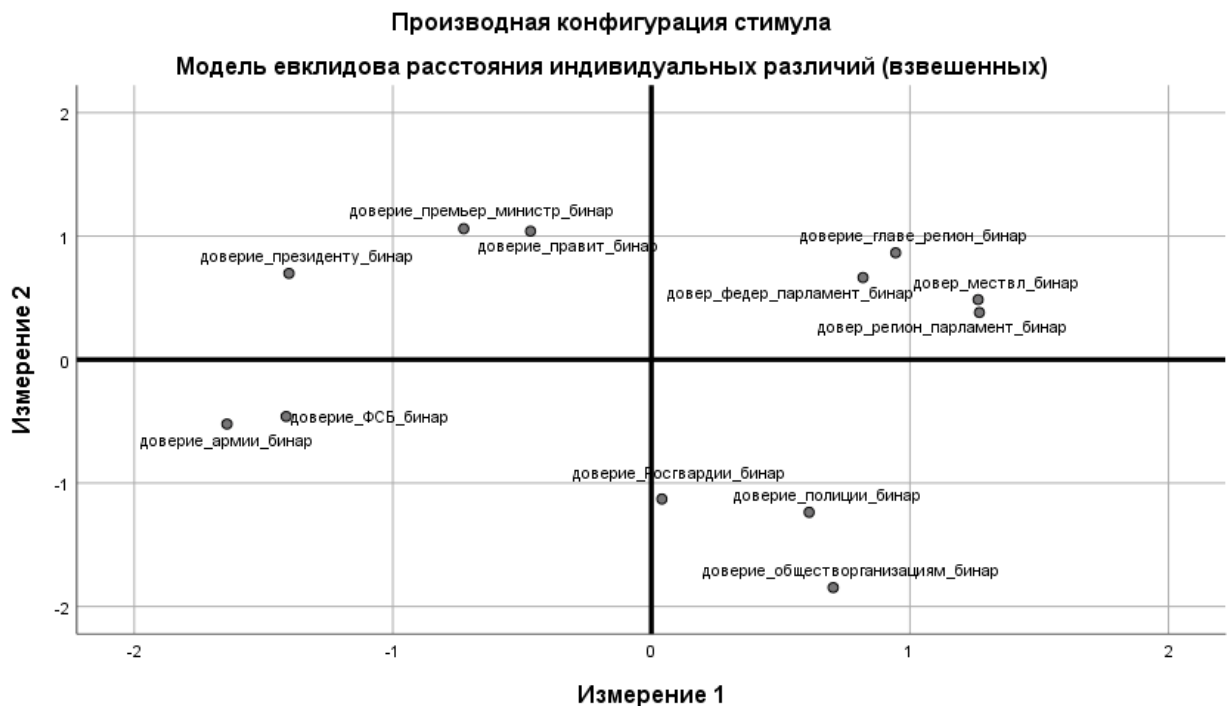

Рисунок. Многомерное шкалирование результатов самооценки молодежью политического институционального и персонального политического доверия

Проведенное многомерное шкалирование визуально при оценке близости объектов на графике также подтверждает картину сходства характера распределения ответов молодежи на вопросы о политическом доверии структурам и персонам.

Вычисление новой переменной — уровень политического доверия на основе оценок 12 объектов — позволило выделить группу абсолютно политически не доверяющей российской молодежи (26,4%), молодежи с низким уровнем политического доверия (32,9%), со средним уровнем доверия (24,8%) и с высоким показателем доверия (15,8%) (Таблица 4).

Таблица 4. Уровень политического доверия российской молодежи (% по столбцу)

Количество набранных баллов	Величина групп	Уровень политического доверия	Величина групп
0	26,4	Отсутствует	26,4
1	14,0	Низкий	32,9
2	9,7		

3	9,2		
4	7,8	Средний	24,8
5	6,0		
6	5,9		
7	5,1		
8	5,0	Высокий	15,8
9	3,4		
10	3,8		
11	3,6		
Всего	100,0	Всего	100,0

Корреляционный анализ не показал статистически значимых коэффициентов связи между уровнем политического доверия молодежи и основными социально-демографическими и статусными характеристиками этой группы. Однако на уровне оценки стандартизованных остатков в комбинированных таблицах удалось зафиксировать некоторые тенденции (Таблицы 5–7).

Так, проявляют большую склонность, чем все другие подгруппы, абсолютно не доверять политикам и политическим институтам мужчины, молодежь в возрасте от 21 года до 29 лет, студенты, обладатели неполного высшего образования, испытывающие существенные материальные затруднения («денег хватает только на продукты питания»), жители мегаполисов и крупных промышленных центров (стандартизованные остатки равны соответственно +1,7 +2,1, +3,4, +2,3, +2,2, +1,9).

Из данных таблицы мы ясно видим, что не достигшая совершеннолетия, завершающая этап вторичной политической социализации молодежь в большей степени, чем другие подгруппы, склонна полностью доверять политическим институтам и политикам.

Люди в возрасте 21–24 лет резко меняют свое отношение к власти и либо демонстрируют низкий уровень политического доверия, либо его полное отсутствие. Наконец, к возрасту 30–35 лет происходит определенная стабилизация восприятия образов политиков, институтов и политического курса и представители данной возрастной страты начинают демонстрировать несколько большую склонность к среднему уровню доверия (статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +5,0, +1,7, +2,1, +3,4, +2,2) (Таблица 5).

Таблица 5. Уровень политического доверия различных возрастных подгрупп молодежи, % по строке

	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
14-17 лет	19,1 –2,2	25,3 –2,1	27,0	28,6 +5,0	100,0
18-20 лет	24,4	33,8	23,6	18,2	100,0
21-24 года	33,6 +2,1	38,9 +1,7	19,0 –1,8	8,4 –2,8	100,0
25-29 лет	36,4	33,5	20,1	9,9	100,0

	+3,4		-1,7	-2,6	
30-35 лет	21,9	33,0	29,5	15,5	100,0
	-2,1		+2,2		

* Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Обнаружена взаимосвязь уровня образования молодежи и ее предрасположенности к политическому доверию/недоверию. Так, наибольшую склонность к полному отсутствию политического доверия демонстрируют обладатели неполного высшего образования, к среднему уровню доверия — молодежь со средним профессиональным образованием, к высокому уровню доверия — люди с начальным и неполным средним образованием, школьники (соответствующие статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +2,5, +2,3, +2,1, +6,1).

Гипотеза о склонности более критично воспринимать политическую реальность и субъектов политической деятельности жителями крупных населенных пунктов и студентами также подтвердилась, как и то, что жители небольших городков и сельской местности склонны вербально демонстрировать политическое доверие органам власти (статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +1,9, +1,7, +1,9, +2,8) (Таблица 6).

Таблица 6. Уровень политического доверия молодых жителей различного типа населенных пунктов, % по строке

Типы населенных пунктов	доверие отсутствует	уровень доверия низкий	уровень доверия средний	уровень доверия высокий	Всего
Мегаполис, областной центр, крупный промышленный город	29,6 +1,9	34,4	23,2	12,7 -2,3	100,0
Небольшой город	22,6 -1,6	32,8	25,8	18,8 +1,7	100,0
Поселок городского типа	22,0	31,9	28,6	17,6	100,0
Село, деревня, хутор	15,6 -2,1	22,9 -1,7	34,4 +1,9	27,1 +2,8	100,0

* Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Наконец, анализ стандартизованных остатков в комбинированной таблице, фиксирующей распределение молодежи с разным уровнем политического доверия по Федеральным округам (Таблица 7), показал, что при всем внешнем сходстве распределения результатов определенные отличия все-таки есть. Так, молодежь Северо-Западного и Сибирского федеральных округов в несколько большей степени склонна демонстрировать отсутствие политического доверия; низкий уровень политического доверия более отчетливо просматривается в Приволжском федеральном округе, средний — в Южном, высокий — в Северо-Кавказском федеральном округе (статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +3,7, +1,9, +1,7, +1,7, +5,0). Вместе с тем, мы должны помнить, что речь идет о вербально декларируемом молодежью политическом доверии.

Таблица 7. Уровень политического доверия молодежи в Федеральных округах Российской Федерации, % по строке

Федеральные округа	доверие отсутствует	уровень доверия низкий	уровень доверия средний	уровень доверия высокий	Всего
Центральный федеральный округ	21,9 -1,7	36,5	26,4	15,2	100,0
Северо-Западный федеральный округ	39,3 +3,7	28,0	22,7	10,0 -2,1	100,0
Южный федеральный округ	22,0	29,8	31,5 +1,7	16,7	100,0
Северо-Кавказский федеральный округ	21,4	19,8 -2,6	25,4	33,4 +5,0	100,0
Приволжский федеральный округ	25,4	38,4 +1,7	22,4	13,6	100,0
Уральский федеральный округ	24,2	36,7	24,2	14,9	100,0
Сибирский федеральный округ	32,6 +1,6	28,7	25,3	13,4	100,0
Дальневосточный федеральный округ	24,2	38,5	18,7	18,6	100,0

* Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Дискуссия

Традиционно экспертный опрос используют в целях уточнения и углубления информации, полученной в ходе массового опроса, или в качестве предшествующего ему этапа, однако в данном большом научном проекте онлайн-анкетирование молодежи и интервьюирование специалистов в области изучения политического сознания и поведения молодежи проходило параллельно по времени, поскольку была интересна точка зрения экспертов прежде всего по проблемам глубинных причин трендов, мотивации и факторов формирования политического доверия/недоверия. В данной статье мы затрагиваем только два аспекта: методический вопрос об объектах оценки политического доверия и представление экспертов об актуальном состоянии политического доверия молодежи.

Первый аспект обозначенной исследовательской проблемы заключается в наборе объектов для оценки и определении системы индикаторов для понимания сути данного явления, второй касается собственно поиска параметров определения политического доверия как низкого, среднего или высокого.

Занимающиеся проведением эмпирических исследований политического сознания и поведения молодежи специалисты утверждают, что ограничиваться выяснением отношения респондентов только к органам власти и отдельным широко известным политикам нельзя. В современном мире отношение к различным типам общественных организаций, включая волонтерские и религиозные, также предельно политизировано и также позволяет понять отношение населения к власти (*«Мы обычно формулируем свои вопросы как доверие органов власти, их представителям и общественно-политическим организациям, то есть мы сюда включаем и церковь, религиозные вернее организации ... общественные организации, волонтерские, молодежные,*

политические организации... На сегодняшний день уровень доверия политическим организациям значительно ниже, чем общественным, в частности, волонтерским организациям. В этом плане важно понять, оценить ... без этого дополнительного общественного компонента очень сложно» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований).

Эксперты обращают внимание на то, что в рамках проведения исследования достаточно часто происходит подмена понятий. Так, политическое доверие ученые могут смешивать с симпатией или поддержкой политического курса, позитивной оценкой деятельности, признанием влияния структуры или персоны («Как показала практика, доверие в молодежной среде воспринимается как оценка деятельности определенных органов власти и очень часто ей подменяется. Конечно, на мой взгляд, как исследователя, доверие нужно воспринимать как определенный позитивный образ, позитивное восприятие органов власти. И вообще-то доверие должно быть шире, чем оценка деятельности ... надо разделять доверие и влияние» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)). Эксперты считают, что реальным показателем политического доверия молодежи является участие этой группы в поддерживающих (легитимизирующих) существующую политическую систему формах публичной политической активности («Уровень политического доверия у молодёжи, в целом, низкий. Эта группа населения не очень активно участвует в политической жизни, в частности, в выборах, особенно в регионах» (м., представитель молодежи, политический активист)).

Эксперты справедливо отмечают, что собственно количественные формализованные и стандартизованные методики не дают точной картины политического доверия, поскольку при ответе на вопрос о степени доверия респонденты могут иметь в виду совершенно разные моменты. Для кого-то из респондентов это отношение к его образу, реакция на используемые имиджевые технологии, для кого-то принятие или непринятие политических идей и программы лидера или партии, (не)согласие с проводимым политическим курсом («Если мы уже про качественный анализ термина доверия, то он может включать в себя разные составляющие: это и отношение к тому, что политик говорит; это и отношение к его внешности, образу; и это в принципе отношение к тем идеям, идеологемам, которыми считается, что должно быть наполнено содержание публичной деятельности политика» (м., политолог, политтехнолог, организатор молодежного движения)).

По мнению экспертов, существует взаимозависимость между формированием доверия и отношения к органам власти; для разных поколений направленность влияния может отличаться («С одной стороны, доверие должно формироваться как некий габитус, как некая долгосрочная переменная, и она ... может определять отношение к органам власти... если человек доверяет, то он по определению должен воспринимать идеи более позитивно. Но, с другой стороны, очень часто исследования показывают, что

происходит обратное – отношение к органам власти формирует доверие в массовом сознании. Для молодежи ... характерен второй подход, для старшего поколения (имеется в виду пенсионеров и так далее) — первый... доверие как вера воспринимается» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)). Фактически в данном случае мы имеем дело с установками сознания, находящимися в отношениях функциональной зависимости.

Доминирующая точка зрения экспертов заключается в признании общего уровня политического доверия молодежи достаточно невысоким («Я бы охарактеризовала уровень политического доверия российской молодежи, как средне-низкий, то есть не совсем низкий, прямо уровень плинтуса, а такой средне-низкий» (ж., политический психолог, доктор политических наук); «Я бы характеризовала уровень доверия скорее как низкий, особенно среди образованной молодежи среднего и высшего класса, жителей больших городов. Если мы посмотрим на регионы... конечно, уровень доверия будет выше исходя из того, что они используют меньше ресурсов различных информационных» (ж., политолог, активистка волонтерского движения помощи беженцам)).

Существенным фактором, определяющим в настоящее время политическое доверие молодежи, является ее отношение к СВО и частичной мобилизации, затрагивающей наиболее активные социальные группы населения. По мнению экспертов, возникает некоторое двоемыслие, наблюдается заметное снижение политического доверия молодежи к власти на фоне нежелания обозначать свою точку зрения («Мы видим, что доверие по факту снижается параллельно с возрастанием декларируемой поддержки» (м., политолог, доктор политических наук)).

Наблюдается расхождение мнений от других респондентов точки зрения экспертов-прикладников, которые по своим исследованиям в отдельных регионах видят положительный тренд к росту доверия («... обрабатывая данные по нашему региону... афишировать я не могу эти результаты, но... по сравнению с прошлым годом уровень доверия и вообще уровень положительного восприятия ситуации вырос; уровень раздражения, удивительно, что в студенческой среде, в молодежной (школьники, студенты) снизился... Пропаганда это? ... уровень доверия ... к силовым структурам, президенту вырос по сравнению с предыдущим годом» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)).

По мнению экспертов, в рамках изучения политического доверия обязательно необходимо оценивать институциональное и персональное, однако межличностное доверие остается важнейшим фактором, позитивно влияющим на состоянии дел внутри страны («Измеряется институциональное доверие и межличностное доверие. Динамика остается постоянной. Уровень межличностного доверия считается ниже, чем достаточно для экономического роста...» (м., политолог, доктор политических наук, организатор молодежного движения)).

Эксперты осознают неоднородность политического доверия различных групп молодежи («Абсолютно точно молодёжь неоднородна в этом плане...»

(ж., политический деятель, «СР-ЗП-ПР»)). Существеннейшим фактором остается возраст. Можно говорить о внутр поколенческих расколах. (*«Когда мы говорим о доверии тем или иным политикам, то ... я вижу практически полное отсутствие интереса к этой теме. Фактически сегодня политически активной молодежи как таковой и нет. Вот до 25 лет точно. 25–35 лет — это уже что-то»* (м., политолог, политтехнолог, организатор молодежного движения)).

Как мы видим, в целом оценки экспертов о состоянии политического доверия молодежи не отличаются существенно от того, что было получено в ходе массового онлайн-опроса молодежи. Тем не менее, несмотря на надежные и глубокие сведения, полученные в ходе массового онлайн-опроса молодежи, требуется более тонкий инструментарий для обнаружения нюансов доверительного отношения респондентов к политикам и органам власти.

Выводы

В целом результаты обоих эмпирических исследований, экспертного опроса и массового онлайн-опроса российской молодежи, совпадают. Проведенное исследование дает ценный материал для изучения вопроса, объясняются ли различия в политической доверии возрастом или принадлежностью к иному поколению. Выявленные в результате эмпирических исследований глубокие различия в уровне политического доверия между отдельными возрастными группами молодежи дают основания вывести обсуждение этого вопроса на новый уровень. Самым низким уровнем политического доверия отличается молодежь в возрасте 21-29 лет, наиболее высоким – до 20 лет. Средние показатели характерны для возрастной группы от 30 лет. В настоящее время не ясно, являются ли эти существенные различия возрастными или же отражают различия политических установок между поколениями. Феномен «скептических 20-летних»: возрастная группа от 20 до 30 лет, в которой которая достаточно высокий интерес к политике совмещается с весьма низким уровнем доверия существующим государственным институтам.

Проведенное исследование позволило выявить дифференциацию доверия российской молодежи основным общественно-политическим институтам. Полученные результаты свидетельствуют о размежевании ценностно и политически различных типов молодежи. Подтверждается мнение ряда ученых (Щекотуров, 2021) о том, что происходит углубление раскола внутри молодежи по уровню и направленности политического доверия. Вопреки распространенному мнению (Moamenla, 2017), результаты исследований подтверждают, что молодежь интересуется политической тематикой.

Нашел подтверждение вывод П.М. Козыревой и А.И. Смирнова о том, что «меньшим доверием пользуются институты, помогающие реализовывать гражданские и политические права. Участие в политической жизни не воспринимается большинством россиян как инструмент изменений, а право пользоваться такого рода инструментами не особенно ценится» (Козырева, Смирнов 2015:83).

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение фокуса анализа для преодоления ограничений проведенного исследования. В частности, представляется перспективным выявить роль макродетерминант в различиях политического поведения и установок отдельных групп молодежи.

Благодарности

Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта N 122101100043-9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

Библиографический список

Александрова, Ю.А. (2017) 'Политическое доверие как управленческий ресурс в системе общественно-политических отношений современной России', Правовая культура, 3 (30), p. 50–57. [Aleksandrova, Yu.A. (2017) 'Political trust as a managerial resource in the system of socio-political relations of modern Russia [Politicheskoye doveriye kak upravlencheskiy resurs v sisteme obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy sovremennoy Rossii]', Legal Culture, 3 (30), p. 50–57. (In Russ.)].

Бойко, С.И. (2007). Проблема соотношения доверия, легитимности и политической стабильности в переходной политической системе современной России' в «Новая Россия»: Проблема доверия в современном российском политическом сообществе. М.: Изд-во РГГУ, p. 12–21. [Boiko, S.I. (2007) The problem of correlation of trust, legitimacy and political stability in the transitional political system of modern Russia [Problema sootnosheniya doveriya, legitimnosti i politicheskoy stabil'nosti v perekhodnoy politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii] "New Russia": The problem of trust in the modern Russian political community. М.: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, p. 12–21. (In Russ.)].

Гришин, Н.В. (2021) "Теория подкрепления" и изучение влияния интернет технологий на политическое участие современной молодежи', Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 23. (1), p. 47-59. [Grishin, N.V. (2021) "Reinforcement theory" and the study of the influence of Internet technologies on the political participation of modern youth' [Teoriya podkrepleniya" i izucheniye vliyaniya internet tekhnologiy na politicheskoye uchastiye sovremennoy molodezhi], Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 23. (1), p.. 47-59. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59

Козырева, П.М., Смирнов, А.И. (2015) 'Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности', Вестник Института социологии, 1 (12), p. 79–99. [Kozyreva, P.M., Smirnov, A.I. (2015) 'Political trust in Russia: some features and the problem of optimality' [Politicheskoye doveriye v

Rossii: nekotoryye osobennosti i problema optimal'nosti], Bulletin of the Institute of Sociology, 1 (12), p. 79–99. (In Russ.).

Попова, О.В. (2017) 'Особенности политического сознания современной российской молодежи', Политическая наука, 1, p. 138-163. [Popova, O.V. (2017) 'Features of the political consciousness of modern Russian youth [Osobennosti politicheskogo soznaniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi]', Political Science, 1, p. 138-163. (In Russ.).

Попова, О.В., Лагутин, О.В. (2019) 'Политические настроения молодежи: лояльность или протест?', Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 21(4), p. 599–619. [Popova, O.V., Lagutin, O.V. (2019) 'Political moods of youth: loyalty or protest? [Politicheskiye nastroyeniya molodezhi: loyal'nost' ili protest?]', Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 21(4), p. 599–619(In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

Реутов, В.Е., Кравченко, Л.А., Гиндес, Е.Г. (2019) 'Доверие как институциональный фактор качества государственного управления экономикой', Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета, 2 (64), p. 191-196. [Reutov, V.E., Kravchenko, L.A., Gindes, E.G. (2019) 'Trust as an institutional factor in the quality of state management of the economy [Doveriye kak institutsional'nyy faktor kachestva gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoy]', Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University, 2 (64), p. 191-196. (In Russ.).

Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (2022). Статистический бюллетень. М.: Росстат. [Population of the Russian Federation by sex and age as of January 1, 2022 [Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2022 goda] (2022). Statistical bulletin. Moscow: Rosstat. . (In Russ.)]

Щекотуров, А.В. (2021) 'Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России', Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 23(4), p. 570–583. [Shchekoturov, A.V. (2021) 'Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia [Politicheskoye doveriye i tsennosti loyal'noy i oppozitsionnoy molodezhi v eksklavnom regione Rossii]', Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 23(4), p. 570–583. (In Russ.)].DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583

Albacete, G. G. (2014). Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change? New York, NY: Palgrave Macmillan

Chevalier, T. (2019) 'Political trust, young people and institutions in Europe. A multilevel analysis', International Journal of Social Welfare, 28(4), p. 418-430 – DOI:10.1111/ijsw.12380

Demidova, O.A. (2011) 'Modeling of public trust in basic social and political institutions: a comparative econometric analysis', Прикладная эконометрика, 1 (21), p. 114–132.

Foa, R. S., and Mounk, Y. (2017) 'The signs of deconsolidation', Journal of Democracy, 28(1), p. 5-16. DOI: 10.1353/jod.2017.0000

Henn, M., and Foard, N. (2012) 'Young people, political participation and trust in Britain', *Parliamentary Affairs*, 65(1), p. 47–67. DOI: 10.1093/pa/gsr046

Hetherington, M. J. (1998). 'The political relevance of trust', *American Political Science Review*, 92, p. 791-808.

Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Moamenla, A. (2017) 'The Dynamics of Political Trust among Youth', *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities*, 7(8), p. 300-310. DOI: 10.5958/2249-7315.2017.00426.9

Muxel, A. (2001). *L'expérience politique des jeunes*. Paris: Presses de Sciences Po.

Norris, P. (2011). *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge: Cambridge University Press.

Putnam, R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

Schoon, I., and Cheng, H. (2011). 'Determinants of Political Trust: A Lifetime Learning Model', *Developmental Psychology*, 47(3), p. 619-631. DOI: 10.1037/a0021817

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
**«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»**
(ПГНИУ)

**ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ**

ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990,
Телефон (342) 239-62-57, факс (342) 239-68-79
E-mail: : histdek@psu.ru WWW: <http://history.psu.ru>

СПРАВКА

Настоящим подтверждается, что статья Н.В. Гришина и О.В. Поповой «Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов» принята к публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология». Статья будет опубликована в №1 за 2023 год.

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК), в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» РИНЦ (ядро РИНЦ), а также в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

Выпускающий редактор номера

15 января 2023 г.

П.В. Панов